

Драма у воды

В Москве показали
несколько вариантов
«Платонова»

Дина Годер

ФЕСТИВАЛИ

НАЗВАНИЕ «ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ имени Чехова» на самом деле совершенно не подразумевает, что это смотр чеховских постановок, — так получается само собой. На первом фестивале шесть лет назад почему-то особенно много было

«Вишневых садов», как будто все мыэтой последней чеховской пьесой прощались с чем-то — с каким-то своим вишневым садом, проданным имением, разрушенным жизненным укладом. Нынешний фестиваль показывает сразу три варианта «Платонова» — драмы раздрызга и смятения, максималистской, пронзительной.

Про эту пьесу ничего как следует не известно: нашли ее через много лет после смерти Чехова, а по разным признакам

сочли первой, написанной еще восемнадцатилетним студентом. У нее и названия-то нет, поэтому каждый называет ее как хочет: кто «Платонов», по имени главного героя, кто «Безотцовщина», кто «Неоконченная пьеса для механического пианино», а кто попросту «Пьеса без названия».

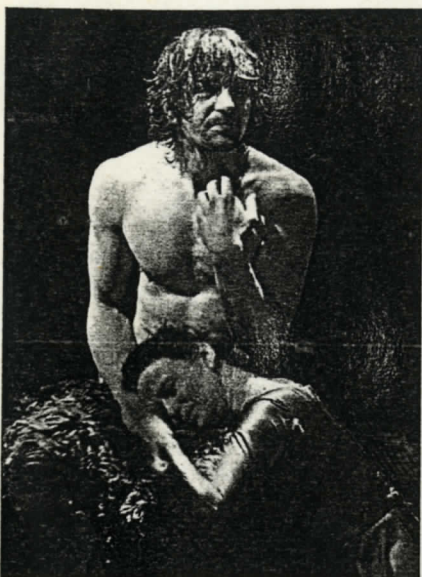
Пьеса очень странная: огромная, многословная, многолюдная, с множеством мотивов, которые встретятся в будущих чеховских пьесах, и невероятных для во-

"Итоги", 12 мая 1998г, стр 76-78

**ВЫСШАЯ ТОЧКА
СПЕКТАКЛЯ
ЛЬВА ДОДИНА —
ПРАЗДНИК
ЗАЖИГАНИЯ
ОГНЕЙ**

(СЛЕВА ВВЕРХУ):
НИ ГИРЛЯНДЫ
ЛАМПОЧЕК,
НИ СВЕЧИ,
ВЫГЛЫВАЮЩИЕ
ИЗ-ПОД МОСТКОВ,
НИ ВДОХНОВЕННЫЙ
МЕДНЫЙ ДЖАЗ
НЕ ОБЕЩАЮТ
СЧАСТЛИВОГО
КОНЦА
**ФИНАЛ: ПЛАТОНОВ
УБИТ, И НАРЯДНО
СВЕРКАВШАЯ ВОДА
КАЖЕТСЯ БОЛОТНОЙ
ТИНОЙ**
(СЛЕВА ВНИЗУ).

НА ФОТО СПРАВА:
СНЕДАЕМЫЙ
ПОДРОСТКОВЫМИ
КОМПЛЕКСАМИ,
РЕФЛЕКТИРУЮЩИЙ
И АМБИЦИОЗНЫЙ
**ПЛАТОНОВ
(СЕРГЕЙ
КУРЫШЕВ)**
НУЖДАЕТСЯ ВО ВСЕХ
СВОИХ ЖЕНЩИНАХ,
ДАЖЕ В СМЕШНОЙ
ДУРОЧКЕ
**ГРЕКОВОЙ
(НАТАЛЬЯ
КРОМИНА)**

Виктор Басинин

семнадцатилетнего юноши прозрений. Каждый режиссер, пытаясь превратить ее в нечто сценичное, кроит текст «Платонова» по себе. Фильм Михалкова, в который все были влюблены, вышел сглаженным, прибранным, оптимистичным. Привезенный сейчас в Москву спектакль поляка Ежи Яроцкого «Платонов. Пропущенный акт» тоже кажется произведением взрослого: сдержан, насмешлив и трогателен без крайностей. «Пьеса без

названия» Льва Додина, взявшая в этом году главную российскую театральную премию и показанная на нынешнем чеховском фестивале, вся торчит углами, иглами, в ней подростковая злость и раздражение в оправе эффектнейшего додинского мастерства. Это, пожалуй, самый сильный «Платонов», которого мне приходилось видеть. И лучший спектакль Додина за последние годы.

Спектакль МДТ показывали шесть дней подряд, но мест в зале было всего 500, поэтому организаторы сделали билеты очень дорогими, чтобы возместить хоть часть затрат. От 150 до 300 рублей — столько не стоили билеты ни на один зарубежный спектакль. Это было весьма рискованно, поскольку постановки Додина не похожи на шоу и их поклонники не так обеспечены, как, к примеру, завсегда Ленкома. Риск не вполне оправдался: при обилии желающих попасть на спектакль в первые дни было много непроданных билетов, в зале пустовали места, а у дверей МХАТа жались студенты и небогатые театралы в надежде незаметно прошмыгнуть или уговорить контролера.

Для показа в Москве пришлось прямо на сцене МХАТа выстроить зал Малого драматического театра. Крутой амфитеатр спускался к белому песку у высокой дощатой купальни, глубокая вода пле-

скалась у самых ног зрителей, нарядно отражала театральный свет и уходила далеко, как будто там, за кулисами, было озеро. Казалось, в разгаре жаркое дачное лето: женщины отжимали мокрые волосы на нагретые доски, распаренные мужчины сбрасывали пиджаки. Генеральша в купальной шапочке выплывала из-за свай, болтая с домочадцами и только что приехавшим Платоновым, сидящим на песке.

И все же действие не казалось реальной жизнью — это был явный театр: с его неожиданной для малой сцены слишком напористой манерой подачи голосов, показными страстями и гротескностью. Это был театр не только для нас, зрителей, — это был театр для самих героев, недаром в одном из не вошедших в спектакль фрагментов молодой Венгерович называет Платонова Чацким и говорит: «Замечательно... что вы никогда не ссоритесь с моим отцом с глазу на глаз ... вы выбираете для своих увеселений гостиную, где бы вы были видны глупцам во всем своем величии! О, театр!»

Додин ставит «Платонова» именно как пьесу восемнадцатилетнего автора со всеми ее юношескими обортонами, максимализмом и безжалостностью. Но ставит с такой откровенностью и остротой личного высказывания, что кажется, будто замкнутый Додин именно сейчас ре-

ВЛАДИМИР ПУТОВСКИЙ

СПЕКТАКЛЬ «ПОЛЬСКОГО ТЕАТРА» ИЗ ВРОЦЛАВА «ПЛАТОНОВ. ПРОПУЩЕННЫЙ АКТ» В ПОСТАНОВКЕ ЕЖИ ЯРОЦКОГО ПОЛУЧИЛ НА ПОСЛЕДНЕМ ПИТЕРСКОМ ФЕСТИВАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ ДОМ» ПРИЗ ЗА РЕЖИССУРУ. ЯРОЦКИЙ СТРОИТ НА СЦЕНЕ «НАСТОЯЩУЮ ЖИЗНЬ»: ПОУТРУ КОСЫЕ ЛЕТНИЕ ЛУЧИ ЛОЖАТСЯ ПЯТНАМИ НА ПОЛ. В ГОРЯЧЕМ ДНЕВНОМ СВЕТЕ ПРИХОДИТ К ПЛАТОНОВУ ЗОЛОТОВОЛОСАЯ ГЕНЕРАЛЬША

шил наконец рассказать, что он обо всех думает. Оказалось — ничего хорошего. Эти неумные, мелкие и претенциозные люди даже жалости его не стоят.

Сергей Курышев играет Платонова человеком подросткового сознания. Амбициозный пошляк с нагловатой, виляющей пластикой, он хамит, изображая смелость и прямоту. Все им восторгаются, и сам он почитает себя умником и оригиналом. Говорит, что в студенчестве считал себя вторым Байроном. Он и сейчас таков — рвется всем бросить в лицо «стих, облитый горечью и злостью». За что Платонову всеобщее уважение — неясно, он не выказывает ни ума, ни своеобразия, ничего, кроме демонстративной грубости, но жидкое провинциальное окружение принимает ее за честность и принципиальность. Похоже, что здесь, как в обычной тинэйджерской компании, лидером становится главный секс-гигант. Это неудивительно, коли общество состоит частью из слабаков с комплексами, частью — из женщин. А рослый красивый Платонов с подростковой гиперсексуальностью, как говорят, «трахает все, что шевелится». Он буквально не может отказать себе ни в одной женщине, даже если она не нравится, даже если понимает, что не надо бы, что кончится плохо.

Самое поразительное, что хотя на сцене много обнаженного тела, в спектакле нет любви и почти нет ничего плотского. Речь идет о проблемах переходного возраста: Платонов ненавидит себя, но эта

невозможность ужиться с самим собой соединяется у него с неприличной, подлой жадной жизни.

В отличие от других режиссеров Ежи Яроцкий не стал подвергать сокращениям пьесу Чехова, а взял один акт, который как раз несколько лет назад пропустил, ставя «Платонова». И из одного только четвертого акта режиссер сделал целый спектакль, где похмельный, измученный герой буквально осажден всеми своими женщинами. Польский спектакль — вполне традиционно-психологический, подробный и чистый, с замечательными польскими актерами — смотрит на жизнь беспутного школьного учителя одновременно иронично и сострадательно и не в пример петербургской постановке не отказывает ей в значительности.

У Додина женщины пошлы и глупы, особенно ужасна красавица Софья (Ирина Тьчнина) — надутая пафосом дура с идеями, демонстративно идущая на самоотречение ради придуманной новой жизни и подвига возрождения Платонова. Любви нет, но глаза горят: она уже видит, как ее жертва будет возведена в заслугу. У Яроцкого Софья (Эва Скибиньска) — просто наивная, милая и страстная девушка, строящая простодушные планы о том, как они славно заживут с любимым Платоновым.

Женщины в спектакле — все же одна лучше другой. Серьезные, белокожие, ясноглазые. В его спектакле жена Платонова Саша (Йоланта Фрашиньска) — целомудренно-нежная, застенчивая и

богобоязненная — мечтает спасти порочного Платонова и, может быть, спасет. А у Додина Саша (Мария Никифорова) — огромная, рыхлая, некрасивая женщина, создание, слепо преданное мужу, и бездумное, как животное.

В спектакле Додина генеральша (Татьяна Шестакова) — умнее прочих, но и она умна скорее природным женским чутьем, интуицией — умением все сгладить, притушить, смягчить. В сущности эта беспечная на вид женщина — существо циничное, расчетливое и равнодушное, если бы не кошачья плотская тяга увядающего тела к молодому Платонову. У Яроцкого золотоволосая генеральша (Галина Скочиньска) в самом деле обольстительна. Она манит, зазывает, кружит голову обещаниями наслаждений, ей невозможно не поддаться, но у Платонова в этом спектакле (Мариуш Бонашевский) атрофированы все чувства и совершенно нет воли: его можно брать и тащить куда угодно — сам он не сделает ни шагу: он пьян, устал и мизантропичен.

Яроцкий строит на сцене «настоящую жизнь»: поутру косые летние лучи ложатся пятнами на пол, посреди комнаты спит Платонов и бегаёт, шая и торопливо одеваясь, полуголая Софья. В горячем, желтом, дневном свете приходит сюда умная генеральша; на закате в учительской квартире собираются в поисках Платонова все женщины.

Додин не желает ставить просто жизнь, он настолько ее «сгущает», что всякий выход за пределы правдоподобия воспринимается естественным. Все участники его спектакля — музыканты: играют на пианино, скрипке, ударных, но в основном — на духовых инструментах. Все танцуют подо что-то джазовое, явно послевоенное, принося этими томительными сладкими мелодиями и синкопированными ритмами какой-то новый нерв в историю о Платонове. Только что катался герой с Софьей в любовной горячке по песку у воды, только что в отчаянии металась Саша, писала огромными буквами на стене прощальную записку, кидалась, огромная, нелепая, жалкая, в воду с перил купальни — действие развивалось стремительно, — и вот уже вскочили любовники, схватили трубы и заиграли вместе с выпавшим на сцену огромным духовым оркестром все тот же джазовый мотив...

Пьеса кончилась, все герои сидят за столом на втором этаже, а в воде, выловленное рыболовной сетью, болтается тело убитого обиженной Софьей Платонова. В первый раз мне стало ясно, что его убили. Какая все-таки нелепая и бессмысленная история. ■

Третий фестиваль спектакль по той же пьесе мы увидим на этой неделе — калининградскую постановку Евгения Марчелли, которой он решил вообще не давать названия, раз уж его нет у автора.